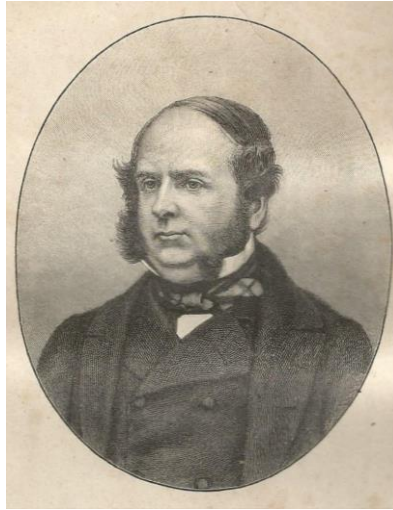

ГЕНРИ ТОМАС БОКЛЬ (1821-1862)

Я прочитал интересную статью о Бокле (Buckle), написанную Евгением Соловьёвым и опубликованную в сокращении в качестве введения к книге Бокля "История цивилизации в Англии"¹.

В детстве Бокль обладал очень слабым здоровьем, и его родители, опасаясь переутомления мозга, не решились отдать его в школу. Бокль, который никогда не учился в школе или в университете, на всю жизнь сохранил своё убеждение в том, что "нельзя насильствовать наклонностей и влечений ребёнка и юноши" и что "надо, по возможности, предоставлять их самим себе, а не коверкать по программе и не принуждать по системе". Всякий, говорил он, сам найдёт себе дорогу; не беда, если он будет меньше образован, важно, чтобы он был самостоятелен, был самим собой.

Мальчиком – Бокль читал и перечитывал Шекспира и арабские сказки "Тысячи и одной ночи". Когда 18-летним юношей он отправился в путешествие по Европе, он начал беспорядочно читать, всё, что попадалось ему под руку, и не расставался с книгой ни в почтовой карете, ни в гостинице. А когда у него возник в голове план его книги, он начал работать по 9-10 часов ежедневно. Утром он изучал естественные науки. После завтрака – иностранные языки. Вечером – историю, юриспруденцию и всемирную литературу. Быстрота его чтения поразительна, не менее поразительна и память. Целая драма Шекспира свободно помещается в его голове. Большую часть цитат он приводил на память и лишь потом сверял их с оригиналом. Он редко писал для газет и журналов, решившись посвятить свою жизнь более важному труду.

После смерти отца Бокль остался девятнадцатилетним состоятельным рантье с ежегодным доходом в 12-15 тысяч рублей². Он пользовался с этой поры полной, никем не стесняемой

¹ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии / Пер. А. Н. Буйницкого. СПб. : Ф. Павленков, 1895.

² 200 рублей в год это был в России хороший заработок чиновника среднего уровня. Большинство чиновников не получали и 100 рублей в год.

свободой, а характер его был настолько счастлив, что ему не приходилось бороться даже с собой. Путешествуя по Европе, в какой бы стране он ни останавливался, он немедленно приглашал к себе учителей и занимался с ними местным языком. Филологические способности его были феноменальны, и к двадцати пяти годам он уже знал девятнадцать языков (включая русский) и читал на каждом из них совершенно свободно.

Жить – для него значило читать и думать. "Какая чудная вещь хорошая книга!" – повторяет он постоянно в своих письмах. Но десятки языков и тысячи прочитанных книг были не целью, а лишь средством для другого, важнейшего дела: его целью была "История цивилизации" – не цивилизации какого-нибудь отдельного народа или части света, а всего мира, всего человечества... Бокль не сообщает нам, как мысль об "Истории цивилизации" возникла в его голове. Человека, более сдержанного относительно своей личной жизни, трудно себе и представить. Однажды он даже уничтожил свой дневник за целые пятнадцать лет, потому что, говорит он, "там находилось много интересного лишь для меня одного".

Восемнадцать лет Бокль провёл в четырёх стенах своей библиотеки, создавая свой великий труд. Его главным занятием были чтение и составление конспектов прочитанного. За это время Бокль прочитал около двадцати тысяч книг на всевозможных языках и по самым разнообразным отраслям знания. Он изучает анатомию, физиологию, ботанику, физику, право и т. д. Он не ставит предела своим занятиям, потому что хочет быть первым историком нового типа – историком, который "должен знать всё". Доктора находят, что он переутомляет себя. Тогда он отказывается от своей любимой шахматной игры и от чтения романов. Беречь себя он не хотел и не мог – и здоровье его быстро ухудшалось. "История цивилизации человечества" свелась к "Истории цивилизации в Европе", а потом – к "Истории цивилизации в Англии", но и той он успел написать только два тома (из планировавшихся пятнадцати). Последними его словами перед смертью были слова: "Книга! Моя книга! Я никогда не кончу моей книги!"

Обычное представление о деятелях науки как о людях "не от мира сего" – очевидно, немецкого происхождения и решительно никуда не годится, если мы имеем дело с англичанином. Известное изречение, что великие мысли зарождаются не в голове, а в сердце, применимо к французу, но не к англичанину. Любовь к комфорту, житейское благоразумие, деловитость характеризуют почти всех без исключения мыслителей-англичан. Бокль хозяйственно распоряжался своими деньгами, своим временем и своими занятиями, Без этого мы имели бы несколько талантливых журнальных статей, а не "Историю цивилизации".

"В Англии, – говорит Бокль, – накопление и распространение знаний идут рука об руку". Целые годы он учился писать. Книги давали ему факты, но перед ним стояла задача изложить их так, чтобы "мысль, скрывающаяся за ними, была понятна любому мыслящему и мало-мальски образованному человеку".

"Смысл жизни для нас – в том, чтобы дать народу знание, а уж он потом сам разберётся, нужно ли ему это знание или нет".

К сожалению – не разберётся. Как первоклассник не может сам научиться читать и писать, так и народ не сможет самостоятельно без помощи интеллигенции, без помощи государства, освоить необходимое для него знание...

Изучая природу, учёные постепенно приучали человека к мысли, что в окружающем его мироздании нет ничего случайного, произвольного, что всё совершается по известным непреложным законам. Но после их трудов оставалась ещё крупная и сложная задача: одухотворить той же самой идеей изучение человека и его историю, показать, что и здесь случай и произвол не играют важнейшей роли, и приступить к человечеству как к "естественному явлению".

Вопрос о законах истории невероятно сложен. В стремлении сформулировать эти законы и заключается главная заслуга Бокля: "Наука идёт далее знания. Она вырабатывается из него, когда бесспорные факты группируются в законы. Знание, не способное установить законы, не есть наука. Одно из двух: или в истории можно открыть законы, или она не допускает научной обработки", – писал он.

Будучи уверенным, что "совершенно одинаковые причины должны приводить к совершенно одинаковым следствиям", Бокль пытался привести в порядок хаотическую груду исторических фактов. "Печальная особенность истории человека заключается в том, что хотя её отдельные части рассмотрены со значительным умением, но едва ли кто пытался слить их в одно целое и привести в известность существующую между ними связь, – пишет он. – Во всех других великих отраслях исследования необходимость обобщения фактов допускается всеми, и делаются благородные усилия открыть законы, которыми эти факты управляются. Но историки так далеки от усвоения себе этого воззрения, что между ними преобладает странное понятие, будто их дело – только рассказывать факты, по временам оживляя их такими политическими и нравственными рассуждениями, какие им кажутся наиболее полезными".

Развитие своей родины Бокль считает образцовым для всего человечества, потому что в Англии было меньше правительственного вмешательства в народную жизнь, чем в других странах (и потому Англия добилась наибольшего благосостояния). Таким образом, английская история привела Бокля к выводу о том, что задержка умственного движения, а следовательно и цивилизации, есть дух излишней опеки (централизации), что "общество не может процветать до тех пор, пока жизнь его находится почти во всех отношениях под чрезмерным контролем и опекой". "Моё исследование, – продолжает Бокль, – находит то, что люди только недавно ещё начали понимать, а именно: что в политике, где не открыто ещё точных начал, первыми условиями успеха являются компромисс, взаимный обмен услугами, практичность и уступка"... "В Англии сумели избежать тех опасных крайностей, до которых доводит иностранное вмешательство, вследствие чего и деспотизм, и восстания там одинаково редки". Эта нация давно уже успела просто и ясно разрешить сотни таких вопросов, которые для русских политиканствующих мудрецов всё ещё представляются бесовским наваждением (Е. Соловьёв).

Как истый англичанин, Бокль отводил своей родине первое место в ряду цивилизованных наций. Но он не допускал презрительного отношения и к другим народам: он ясно видел, что каждая цивилизованная нация сослужила свою службу человечеству.

Думаю, что нет смысла изучать в школе историю любой страны (кроме своей собственной) с древнейших времён до наших дней. В истории каждой цивилизованной страны были периоды наивысшего расцвета культуры, богатства и могущества. Только эти периоды и имеет смысл изучать.

Так как история занимается действиями людей, а действия эти не что иное, как результат столкновения между явлениями внешнего и внутреннего мира, то необходимо взвесить относительную важность этих явлений, узнать, до какой степени известны их законы, и удостовериться, какими вспомогательными средствами для будущих открытий обладают два главных класса учёных: исследователи человеческого духа и исследователи природы. Своё "исследование духа человеческого" Бокль думал закончить в десять лет. Десять лет прошли, а он был только в самом начале работы... Несмотря на всё его трудолюбие, несмотря на всю его гордость, он понял, что будет вынужден сократить программу своей работы. Он увидел, что она не под силу одному человеку, особенно – такому, как он: человеку, "который должен прочесть сто книг, прежде чем написать одну страницу..."

Выдумывать что-нибудь за письменным столом он не мог, лучшие мысли и даже целые параграфы приходили ему в голову всегда во время прогулки... Страстный курильщик вообще, он начинает курить запоем. Он отказывается ходить в гости в те дома, где не принято курить. Вместе с этим его мозг становится всё более беспокойным и тревожным и теряет способность отдыхать. Однажды он писал своей приятельнице: "Я не скрою от Вас, что порою меня огорчает и даже угнетает мысль о том, как ничтожны мои силы в сравнении с моими мечтами, надеждами, планами. Моя голова по временам слаба, мысль недостаточно ясна. Уверяют, что мне нечего бояться, – увидим... Остановиться на полдороги, не завершить того, что является в моих глазах великим делом, прожить, не оставив по себе след, – вот грустное будущее, которое рисуется передо мною и кажется мне вполне возможным. Думая о нём, я чувствую, как холодеет моя кровь".

Бокль напечатал первый том своего "Введения" за свой счёт. Все важнейшие журналы откликнулись на эту публикацию. Книга Бокля не удостоилась безусловно лестных отзывов, но успех был несомненен, и даже в денежном отношении восемнадцать лет работы не прошли даром: когда не было ещё распродано первое издание, издательство "Паркер и К^о" предложило Боклю пять тысяч рублей за право на второе и не сочло рискованным отпечатать его сразу в двух тысячах экземплярах, хотя раньше боялось отпечатать и пятьсот.

Главнейшая заслуга Бокля заключается в том, что он ввёл в среду исторического исследования данные статистики и политической экономии и собственным своим примером показал, как расширяется кругозор историка, если он основательно изучит эти две науки.

Надо было ответить на вопрос: "управляются ли действия людей неизменными законами, или же они составляют результат случая и сверхъестественного вмешательства". Опираясь

на выводы статистики, Бокль без всякого колебания утверждает, что "нравственные действия людей - это не результат воли одного человека или группы людей, а продукт предшествующих обстоятельств".

Великие общественные законы, которыми управляется человеческое поведение, могут быть замечены лишь при наблюдении над большим числом людей или долгим периодом времени, но в меньшем числе лиц и в короткое время индивидуальное нравственное начало берёт верх и нарушает порядок действия общего закона... Что же должен изучать историк: закон или личность? общие явления или индивидуальные? Для Бокля не может быть двух ответов на этот вопрос, ибо, признав статистические (то есть массовые) данные своим руководителем, он тем самым покончил с "культом героев" – с теорией, очень модной в его время (благодаря громадному влиянию Карлайла).

Я всё-таки думаю, что не следует бросаться в противоположную крайность и не придавать никакого вообще значения личным качествам исторических деятелей.

"В диком состоянии общества первый важный шаг вперёд составляет накопление богатства, ибо без богатства не может быть досуга, а без досуга не может быть знания", – пишет Бокль. В признании важности экономического фактора для понимания исторических явлений заключается серьёзная заслуга Бокля. Он видел, что политическая экономия даёт основание для связи законов физических явлений с законами неравного распределения богатств, а отсюда – и общественных неурядиц. Но до экономического материализма, до признания за экономическими явлениями первенствующей роли в истории было ещё очень далеко. Поиск законов истории подменяется у Бокля поиском законов умственного развития (Е. Соловьёв).

Считается, что субъективизм вреден для науки. Но субъективизм в науке неизбежен! Чтобы собрать известный ряд фактов, уже нужна какая-то объединяющая идея – иначе факты рассыплются, и исследователь останется ни с чем (Е. Соловьёв).

Бокль сводит задачу цивилизации к эмансипации ума, мысли, а не цельного человека с его потребностями есть, одеваться, любить и быть уверенным в завтрашнем дне. Это заставляет нас видеть в законах Бокля очень остроумные формулы, относительно справедливые, но недостаточно широкие. Думаю, однако, что его заслуги не становятся от этого меньше. Он был передовым человеком своего времени и шёл по верной дороге (Е. Соловьёв).

Стремясь найти универсальные законы исторического развития и "исторгнуть историю из рук биографов, собирателей анекдотов и летописцев государей и аристократов", Бокль устремляется в другую крайность и напрочь забывает о человеке, о живых людях, которые, каждый на своём месте и в меру своих сил, все вместе творят Историю...

Бокля не раз упрекали в том, что он отрицал возможность нравственного прогресса. Бокль писал о том, что прогресс нравственности заключается не в открытии новых истин, которые представляют из себя простые формулы инстинкта общественности, а в расширении содержания этих истин, их объёма.

И в неуклонном увеличении числа людей, которые руководствуются этими истинами в своей жизни – добавил бы я.

Второй том его "Введения" сделал имя Бокля ещё более популярным. Письма (то восторженные, то бранные) летели к нему со всех концов Европы. В России Бокль пользовался ещё большей славой, чем у себя на родине. Многие считали его величайшим гением эпохи. Некий русский путешественник (a gentleman russe) навестил Бокля и сообщил ему, что русская молодёжь запоем читает его книгу и видит в ней откровение (revelation)...

Когда у Бокля спросили совета насчёт чтения по истории; он сказал на это, что большинство людей слишком много читают и слишком мало думают, что при чтении надо делать как можно больше выписок и почаще их пересматривать.

И, по возможности, располагать эти выписки в хронологическом порядке – добавил бы я.

"Грешно ли убивать себя?" – спросили Бокля однажды. "Пожалуй, – отвечал он, – так как в 99 случаях из ста самоубийство – это результат нетерпеливости или трусости. Пока на свете есть хоть один человек, которого огорчит наша смерть, мы не имеем права на самоубийство. Но если существует на свете человек, безусловно одинокий и страдающий, притом, мучительной и неизлечимой болезнью, то я не вижу вреда, если он примет яд".

Бокль о воинской славе: Каждое важное приобретение в области знания усиливает авторитет умственно трудящихся классов, увеличивая запас средств, которыми они могут располагать. Но между этими классами и военным сословием существует явный антагонизм: это антагонизм между силой убеждения и грубой физической силой. Всё, что благоприятно одному из этих классов неблагоприятно другому. Предполагая, что все другие обстоятельства одинаковы, можно смело сказать, что по мере того, как умственные приобретения известного народа увеличиваются, его расположение к войне уменьшается, и наоборот, если умственные силы весьма ограничены, то расположение к войне весьма сильно... В совершенно диком состоянии общества – более всего ценится личная отвага и более всего уважаются воины... Воинственный дух и нетерпимость – вот мрачные силы, стоящие на дороге цивилизации, вот её главный тормоз.

Врачи запретили ему писать, и он отправился в путешествие на Восток. Когда при выходе из горного ущелья перед ним открылась великолепная картина Дамаска, Бокль воскликнул: "Ради этого стоило бы перенести и более страданий и усталости!" Увы! Он не знал, какой ценой придётся ему заплатить за это удовольствие. Излишняя усталость снова вызвала усиление болезни...

Бокль умер в возрасте 41 года. Он похоронен в Дамаске – в городе его детской мечты.

Наше поколение не обладает такой могучей верой в человеческий разум, как поколение, к которому принадлежал Бокль, – пишет Евгений Соловьёв.

NB Умный человек извлекает известную долю пользы даже из общения с глупыми людьми.

"ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ"³

Политическая экономия пролила значительный свет на причины того неравномерного распределения богатства, которое служит самым обильным источником общественного неустройства.

Печальная особенность истории человечества заключается в том, что, хотя её отдельные части рассмотрены со значительным умением, но едва ли кто пытался слить их в одно целое и привести в известность существующую между ними связь.

До сих пор едва ли что было сделано для открытия начал, управляющих характером и судьбой народов.

Успехи цивилизации ведут явным образом к подкреплению нашего верования в существование во всём порядка и закона.

То, что мы называем теперь необъяснимым, со временем будет объяснено.

В естественных науках возможность предсказания несомненна. Сравнительно с успехами в изучении природы, изучение явлений в жизни человека находится ещё в младенчестве. Управляются ли действия людей (а следовательно и обществ) неизменными законами или же они составляют результат случая?

Ни один человек не может освободиться от давления окружающих его мнений. Новая философия или новая религия обычно состоит не в создании новых идей, а в новом направлении идей, уже обращающихся среди современных мыслителей.

NB Действия людей должны при совершенно одинаковых условиях иметь совершенно одинаковый результат.

Должны. Но не имеют... Впрочем, и совершенно одинаковых условий не бывает...

Что качается преступлений, одни и те же числа повторяются с постоянством, которого нельзя не заметить (Г. Кетле). При одном и том же состоянии общества закономерно повторяются одни и те же преступления.

Многие викторианцы верили в спасительную силу образования. Надо будет на досуге поискать статистику. В расчёте на 100 тысяч жителей число преступлений в Англии (и особенно, преступлений против личности) по сравнению с 1901 годом уменьшилось или увеличилось? Если увеличилось или осталось примерно на том же уровне, то хлесткая фраза о том, что "государство потеряет на тюрьмах, то, что экономит на образовании" – это обман или иллюзия...

³ Новейшее издание: Генри Томас Бокль. "История цивилизаций. История цивилизации в Англии" (комплект из 2 книг). М., "Мысль", 2002.

Самоубийство – это продукт состояния всего общества. В различных странах мы находим год от году одну и ту же пропорцию лиц, добровольно лишаящих себя жизни. В Лондоне количество самоубийств колеблется под влиянием временных причин между 213 и 266.

И число ежегодно заключаемых браков зависит не от характера и желания отдельных лиц, а от общих факторов, на которые эти лица не имеют никакого влияния. Браки имеют постоянное и неизменное отношение к ценам на продукты питания. Число браков, вместо того чтобы находиться в какой-нибудь связи с личными чувствами, зависит от среднего по стране размера заработка.

! Даже число ежегодно отправляемых писем без адреса из года в год примерно одно и то же.

Действия людей, при всей кажущейся произвольности своей, составляют часть одной обширной системы всеобщего порядка.

История занимается действиями людей, а действия эти есть не что иное, как результат столкновения между явлениями внешнего и внутреннего мира.

В развитии уме воображение и рассудок помогают друг другу.

NB Прогресс зависит не от благости природы, а от энергии человека.

В Индии огромное большинство народа всегда оставалось в состоянии унижения, пресмыкаясь в гнусной покорности перед сильным и проявляя способность только к тому, чтобы или самим быть рабами, или служить на войне орудием порабощения других.

То же самое, слово в слово, можно сказать и о России.

Если кто из простого народа пренебрегал своей работой, то его за это секли. Секли даже женщин. Эти постановления согласовывались с системой общественного устройства, которая была основана на деспотизме и могла держаться только жестокостью.

То же самое, слово в слово, можно сказать и о России.

В Индии сын наследует род занятий отца. Это составляет политический признак духа неподвижности и консерватизма и способствует развитию ненависти ко всякой перемене.

Из двух основных причин цивилизации в древнем мире основное значение имеют климат и плодородие почвы.

Два главные условия плодородия никогда не соединялись ни в одной из частей материка, лежащего к северу от Мексики. В северной Америке ни одна значительная река не впадает в Тихий океан, а на противоположной стороне есть множество рек, в том числе – больших. На западе – тепло без воды, на востоке – орошение без тепла. В Новой Калифорнии средний урожай кукурузы – 70-80 зёрен, а в южной Мексике – от 400 до 800 зёрен! Народ, получивший средства к существованию от необыкновенного плодородия

растения, мало нуждался в упражнении своих рабочих сил... В то же время, в Мексике для ничтожных целей тратились громадные силы. Например, на строительстве царского дворца много лет трудились 100 тысяч человек.

К югу от экватора – восток теплее запада.

Человек сравнивает свои силы с могуществом и величием природы – и приходит к грустному сознанию своего ничтожества. Для борьбы с враждебными человеку силами природы человеческих сил часто бывает недостаточно и потому на помощь призываются силы, которые выше человеческих... Страх смерти также делает людей расположенными искать сверхъестественной помощи.

Благоговение перед древностью противно всякому здравому смыслу. Это не более как избыток поэтического влечения ко всему отдалённому и неизвестному.

Сказочные представления о "золотом веке" навели людей на идею о первобытной добродетели и простоте человека и о его последующем падении с этого высокого нравственного уровня.

Азиатская цивилизация имела постоянное стремление к тому, чтобы увеличивать расстояние, отделяющее человека от богов, тогда как стремление греческой цивилизации заключалось в том, чтобы уменьшить это расстояние.

История человеческого ума только тогда может сделаться понятной, когда мы свяжем её с историей и явлениями материального мира.

В Европе преобладающим направлением было подчинение природы человеку, а вне Европы – подчинение человека природе.

Первоначально более богатыми странами были те, где природа давала больше произведений, а теперь – те, где человек наиболее деятелен.

В ряду правил, определяющих наш нравственный образ действий, самые просвещённые европейцы не знают ни одного такого, которое не было бы также известно древним.

!!! NB Нельзя привести ни одного примера, чтобы человек, имея добрые намерения и неограниченную власть для приведения их в действие, не сделал гораздо более зла, чем добра. И каждый раз, когда намерения такого человека были особенно искренни и власть особенно обширна, происходило громадное зло. Если такой человек действует в своих интересах, то бывает возможно ограничить производимое им зло. Если же единственная цель его есть благо ближних, если он преследует эту цель с совершенно бескорыстным усердием, тогда уже нет никакой возможности обуздать его и предупредить те огромные бедствия, которые он способен принести своему народу.

Огромное большинство лиц, воздвигавших гонения за религию, были люди с самыми чистыми намерениями, с самой высокой и безукоризненной нравственностью, но не

умеющие предсказать последствия своих поступков. Убавьте искренности – и ослабится преследование... Лицемеры часто слишком гибки, чтобы быть жестокими.

Война есть величайшее из зол, известных человечеству. До последней [Крымской] войны Англия наслаждалась сорокалетним миром – явление беспрецедентное не только в летописях Англии, но и всякой другой страны... Впрочем, нравственные чувства вовсе не участвовали в этом деле.

Крымская война была столкновением между двумя наименее образованными государствами в Европе [между Россией и Турцией]. Продолжительный мир был нарушен взаимными притязаниями наименее цивилизованных европейских народов.

NB Россия – страна воинственная не потому, что жители её безнравственны, а потому, что они мало развиты. Так как умственные способности русского народа мало развиты, на него мало имеют влияния люди, занимающиеся умственным трудом, и потому в нём безусловно преобладает класс военный.

Хоть что-нибудь изменилось за 150 лет?..

В каждой стране добрые дела встречаются чаще, чем злые. Если бы это было иначе, то преобладание зла давно уже истребило бы весь род человеческий, и некому было бы даже оплакивать его. Чем более нации сближаются между собою, чем более они узнают друг друга, тем быстрее исчезает старинная вражда.

Действия отдельных лиц подчиняются в значительной мере влиянию их нравственных чувств и их страстей, но чувства эти, приходя в столкновение с чувствами других людей, уравниваются этими последними.

Невозможно открыть законы общества, изучая историю только одной нации.

NB Великие общественные законы могут быть замечены лишь при наблюдении над большим числом людей в течение долгого времени. При малом числе людей или в короткий промежуток времени индивидуальное начало может нарушать порядок действия общественного закона.

Вместо того чтобы сообщать читателю сведения об успехах знания, огромное большинство историков наполняет свои сочинения рассказами о сражениях и осадах. В этом-то и заключается препятствие, затрудняющее наше движение вперёд.

Упрощение сложных явлений составляет во всех отраслях знания существенное условие успеха.

Англичане менее других наций были подвержены действию главных элементов постороннего вмешательства: власти правительства и влиянию чужестранцев.

Французы – народ великий и достойный удивления. Недостатки же французского народа происходят от постоянного вмешательства в его развитие самовластных правителей.

Развитие цивилизации определяется накоплением и распространением знания.

Безопасность и прочность цивилизации должны зависеть от правильности в сочетании её элементов и от гармонии в их действии. Ежели один какой-нибудь элемент действует слишком сильно, то всё её внутреннее устройство подвергается опасности.

! Недостатка в книгах не стало, но любовь к ним пропала...

Свойства литературы какого-нибудь народа имеют гораздо меньшее значение, чем умственное состояние тех, кто читает её произведения.

Никакое политическое улучшение, никакая реформа в сфере законодательной или исполнительной ни в одной стране не были обязаны своим началом правителям этой страны. Принимаемые правителями меры – это результаты, а не причины общественного прогресса. Первые предложения реформ поступают со стороны смелых и даровитых мыслителей, которые замечают злоупотребление, изобличают его и указывают средство к его устранению. Но ещё долго после этого даже самое просвещённое правительство продолжает поддерживать злоупотребление, отвергая целебное средство. С течением времени (при благоприятных обстоятельствах) давление внешней необходимости становится до того сильным, что правительство вынуждено бывает уступить ему. А когда реформа уже совершилась, то ожидается со стороны народа преклонение перед мудростью правителей, которые эти реформы осуществили. Именно таким порядком совершается политический прогресс.

NB Каждая великая реформа состояла не в создании чего-либо нового, а в отмене чего-либо старого.

Вмешательство правительствующих классов обычно бывает так велико, а бедствия, причинённые этим вмешательством, так значительны, что здравомыслящие люди удивляются, как может цивилизация продвигаться вперёд при таком постоянном умножении препятствий.

Между принадлежностями новейшей цивилизации нет предмета важнее торговли: её развитие способствовало увеличению благосостояния и счастья человека в большей мере, чем всякий отдельный деятель. А между тем, **!** каждое европейское правительство грабило промышленников для поощрения промышленности и действовало так, как будто бы имело прямой целью подавить торговлю и разорить торговцев... Как ни велико было экономическое зло, порождённое такой системой, зло нравственное было ещё больше.

NB Жажда власти оказывается до того всеобщей, что никто из людей какого бы то ни было класса, имея в руках своих власть, не мог воздержаться от употребления её во зло.

Так как ни одно правительство не признаёт надлежащих пределов своей власти, то в результате оказывается, что любое правительство, руководствуясь самыми лучшими намерениями, причиняет своим подданным много вреда.

В течение многих столетий каждое правительство считало своей неперемнной обязанностью покровительствовать религиозной истине и преследовать религиозное заблуждение. Это причинило людям бездну зла.

Правительства предпринимали попытки к уничтожению свободы печати и отнятию у людей всякой возможности выражать свои мысли о самых важных политических вопросах... Там, где не было прямо запрещено свободное распространение знаний, приняты были всевозможные меры к его замедлению.

Религия, когда она соответствует народному характеру, в [государственном] покровительстве не нуждается. В противном же случае – она не может принести никакой пользы.

Никакое запрещение, при всевозможной строгости, не в силах уничтожить естественного соотношения между спросом и предложением.

NB То, чего одно поколение просит как дара, другое – требует как права.

Главное условие благосостояния народа заключается в том, чтобы правители страны пользовались своей властью весьма бережливо.

Европейская цивилизация обязана своим развитием успехам знания.

Всегда должна быть связь между образом воззрения людей на прошедшее и образом воззрения их на настоящее.

Введение письма придаёт прочность народному знанию и уменьшает пользу от устной передачи сведений.

NB Пока не возникло сомнение – прогресс невозможен.

Необходимо, чтобы люди научились сомневаться, прежде чем они научатся обнаруживать терпимость, и чтобы они признали погрешимость своих собственных мнений, прежде чем они станут уважать мнения своих противников.

На те споры, которые сто лет тому назад воспламенили бы всё государство, теперь огромное большинство образованных людей смотрит с совершенным равнодушием.

История каждой цивилизованной страны есть история её умственного развития, которое законодатели могут скорее замедлить, чем ускорить. Как бы ни велико было их могущество, они являются не более как случайными, несовершенными представителями духа своего времени.

После революции в Англии самые умные люди страны уже не стекались в духовное сословие. Теология была отделена сначала от нравственности, а потом и от политики.

Начиная с восемнадцатого столетия, никто из духовных лиц не получал дипломатического назначения и не занимал никакой важной должности в государстве.

Следует признать за весьма счастливое обстоятельство, что, после смерти королевы Анны, в продолжение почти пятидесяти лет английский престол был занят двумя государями, которые были чужды Англии. Один из них плохо владел английским языком, а другой – вовсе не знал его... Несмотря на их деспотический нрав, можно было не опасаться, что они составят себе партию для расширения полномочий королевской власти.

Сравнивая стоимость борьбы с выгодами от неё, Бёрк считал, что целью законодателя должна быть не истина, а польза... Он отвергал теории, потому что знал их... Несмотря на свой богатый запас сведений по всем отраслям политического знания, он подчинял свои мнения ходу событий... Он выступал против тех политиков, которые восстают против века, обманувшего их ожидания, скорбят о вырождении человечества, жалуется на упадок национального духа и оплакивают участь народа, который пренебрегает мудростью предков... С началом французской революции во взглядах Бёрка произошли значительные перемены...

Георг III находил наслаждение в том, чтобы возвышать смиренных и превозносить покорных. Все отрасли коммерции пришли в расстройство; торговля была почти уничтожена; мы были опозорены в глазах всей Европы и, потеряв 140 миллионов фунтов стерлингов, потеряли драгоценные колонии в Америке. Таковы были плоды политики Георга III.

Во Франции народ, доведённый до ярости веками угнетения, предался самым возмутительным жестокостям, омрачая час своего торжества преступлениями, опозорившими то дело, за которое он боролся.

Очень похоже на описание России в 1917-1920 гг.

Тирания возбуждает мщение, а мщение ослепляет людей.

Если бы Франция была предоставлена самой себе, то французская революция, как и все революции, постепенно утихла бы. Но вмешательство извне привело к войне, которая продолжалась двадцать лет, стоила жизни миллионам людей и повергла всю Европу в расстройство.

В Англии начались суровые гонения на свободу. В 1795 году был принят закон, запрещающий почти всякие публичные прения и любое публичное собрание, о назначении которого не было бы объявлено за пять дней в одной из газет... В 1799 году был проведён другой закон, запрещающий собираться для держания речей или для прений в открытом поле, а владелец библиотеки или книжной лавки подвергался штрафу (как содержатель развратных домов !), если он открыл свою лавку, не испросивши разрешения у местных судей... Нередко вскрывали в почтовых конторах частные письма... А министры того времени превратили борьбу партий в настоящую войну и наполняли тюрьмы своими политическими противниками...

Тогда забывали, как и теперь часто забывают, что политические события составляют только одну из множества сторон истории всякого государства.

В последних годах XVIII века накопление и распространение знаний в Англии шло вразрез с политическими событиями... Правительство двигалось в одном направлении, а просвещение – в другом.

Сила деспотического правительства зависит от нескольких личностей, которые после их смерти часто бывают заменены робкими и неспособными преемниками. Сила же общественного мнения не подвержена этим случайностям.

В те времена думали, что правительства существуют только для меньшинства, что власть устанавливать законы должна находиться в руках немногих привилегированных классов... По истечении полувека такие понятия вымерли. Замечательно, что эта перемена совершилась не в результате восстания народа, а только силой общественного мнения. Это явление кажется мне решительным доказательством здорового развития английской цивилизации. Никакой другой народ не избегнул бы этого кризиса иначе, как пройдя через революцию... У нас любовь к свободе всегда умерялась духом осторожности. Этой великой и драгоценной привычке мы обязаны спасением Англии в конце восемнадцатого века.

Система пала, потому что она была несогласна с духом времени, потому что прогрессивный народ никогда не потерпит антипрогрессивного правительства.

Билль о реформе, эмансипация католиков и отмена хлебных законов признаны всеми за три самых великих политических подвига настоящего поколения.

Духовная власть, которая во времена невежества составляет несомненное благодеяние, в более просвещённом веке оказывается серьёзным злом. Возникает неотложная потребность ограничить духовную власть, которая, определяя людям обязательный образ мыслей, останавливает их успехи на поприще знания.

NB Никакая страна не может достигнуть высокой степени развития, пока духовная власть пользуется в ней большим влиянием.

Все народы с одинаковым усердием держатся за догматы, внушённые им при воспитании. Шаррон напоминает французам о том, что религия составляет случайный результат их рождения и воспитания. Если бы они родились в магометанской земле, то были бы правоверными мусульманами.

Преследования за веру часто считаются необходимым доказательством искренности в религии...

Государство должно награждать людей по их способностям, без оглядки на их религию.

Политическая история каждой страны может быть объяснена историей её умственного развития.

Великий продукт цивилизации – независимая печать.

Французы меньше знали, потому что больше верили. Они унижали настоящее, чтобы возвысить прошедшее.

То же самое, наверное, можно сказать и о русских.

Начиная с определённого момента, Англия и Франция развивались в разных направлениях. Это развитие привело Англию к упрочению народного благосостояния, а Францию – к самой кровавой и самой разрушительной революции на свете.

Бокль не знал, что всего лишь 55 лет спустя, то есть при жизни многих из его современников, в России произойдёт революция и начнётся гражданская война, которая по своей жестокости и многочисленности человеческих жертв превзойдёт не только все революции прошлого вместе взятые, но, возможно, и все будущие революции...

Разница в судьбах Англии и Франции – великих и образованных наций – до того замечательна, что знакомство с причинами этого явления становится необходимым для правильного понимания европейской истории... Подобное исследование будет иметь высокую практическую ценность. Оно докажет истину, которую люди лишь недавно стали понимать, что в политике (в которой пока что не открыто ещё твёрдых начал) важнейшими условиями успеха являются соглашение, обмен и целесообразность... Оно покажет, что для прогрессивной нации требуется и прогрессивный строй государства; что никакое государственное учреждение не может устоять против напора и вечного движения общества. Спокойствие Англии должно быть приписано признанию в ней этих великих истин, пренебрежение которыми обрушило на другие страны самые ужасные бедствия.

Французские умы, совершившие столь великие открытия и подвиги, оказались, однако, до такой степени неподготовленными к свободе, что сделавшись рабами и телом и душой, стали гордиться таким положением, которое и последний из англичан посчитал бы за невыносимое ярмо...

То же самое можно сказать о россиянах...

Причины этого различия следует искать в существовании духа покровительства. Этот дух так опасен и им так легко увлечься, что в нём заключается самое серьёзное из препятствий, с которыми цивилизация должна бороться на пути к прогрессу.

Покровительственное начало связано с пристрастием к централизации, которое обнаруживается в правительственном механизме. Покровительственное начало побуждает правительство вмешиваться в естественные отношения между производителями и потребителями; насильственно вызывать к существованию мануфактуры, которые иначе никогда не были бы основаны (и, следовательно, вовсе не были нужны); нарушать

обычный ход промышленности и (под предлогом защиты своих рабочих) уменьшать производительность труда... Будучи внесено в политику, покровительственное начало производит так называемое "отеческое" правительство, где верховная власть сосредоточена в руках монарха или в руках немногих привилегированных лиц... Когда ж оно вносится в богословие, то производит многочисленное духовенство, и всякое противодействие ему принимается за оскорбление общественной нравственности...

Всё сказанное относится и к России, причём не только к прошлой, но и к настоящей (2017)...

К концу V века распалась римская империя и мир на 500 лет погрузился во тьму невежества. А когда началось великое движение и ум человеческий стал возмущаться, вошли в повсеместное употребление инквизиции, тюрьмы, пытки, сожжения на кострах и другие изобретения, посредством которых церковь тщетно старалась удержать обратившийся против неё поток. С этого времени началась непрерывная борьба между двумя великими партиями – между приверженцами знания и приверженцами веры.

NB Успехи цивилизации зависят от приобретений, делаемых человеческим умом... Приобретение новых знаний предшествует каждому шагу, который делает общество на пути прогресса.

Скептицизм исправил ошибки прежних времён, когда люди были слишком доверчивы в политике, слишком легковёрны в науке и слишком нетерпимы в религии.

Реформация, разрушив представление о непогрешимости церкви, ослабила то уважение к церкви, которое питали к ней в древности.

Феодальная система была первой попыткой устроить общество на светских, а не на духовных началах, так как в её основании лежало владение землёю и отправление известных воинских и денежных повинностей.

Находясь в чужой стране, Вильгельм Завоеватель имел возможность отступить от некоторых феодальных обычаев, которые были приняты во Франции.

В 1264 году жители городов и местечек заняли свои места в том парламенте, который до тех пор состоял только из дворян и священников. Английская аристократия, вследствие своей слабости, вынуждена была опираться на народ, и поэтому народ усвоил себе тот оттенок независимости и гордости, которые являются скорее следствием, чем причиной наших гражданских и политических учреждений. Именно этому обстоятельству, а не какой-либо особенности расы, обязаны мы тем твёрдым, предприимчивым духом, которым издавна отличались обитатели нашего острова...

Во Франции не было места для образования средних классов. Подражая формам свободы, французы не имели того стойкого, смелого духа, который один только и ведёт к свободе. Французским городам пожалованы были хартии, а их должностным лицам даны были привилегии. Всё, однако, было напрасно. Ибо не печатью и не пергаментом законодателя охраняется независимость людей. Когда наступают чёрные дни деспотизма, свободу сохраняют только те граждане, которые наиболее свыклись с независимостью, наиболее

способны думать и действовать самостоятельно и наименее дорожат навязчивым покровительством со стороны правительства.

Стремление к централизации при Людовике XIV, а потом при Наполеоне, сделалось язвой французского народа.

Во Франции всё сводится к одному общему центру, которым поглощается вся гражданская деятельность. Там думают, что правительство должно всё знать, всё видеть, обо всём заботиться, а правительственная деятельность исходит из того, что ни один человек не знает своих нужд и не способен сам о себе позаботиться. Люди постоянно встречаются там с тем духом вмешательства, который, под предлогом защиты их личности, стесняет их свободу. Судья выполняет там не обязанности судьи, а обязанности обвинителя, и это даёт готовый механизм для целей деспотической власти, потому что бесчестит отправление правосудия. Даже воспитание детей подчинено там контролю государства, вместо того, чтобы подлежать ведению учителей и родителей... Предполагая, что взрослые люди не могут сами знать толк в пище, правительство позаботилось и об этом. Его зоркий глаз следит и за мясником в лавке, и за булочником у очага... Во Франции правительство установило монополию, которая уменьшает ответственность человека перед самим собою, лишая его привычки бороться с трудностями жизни... При малейшем затруднении они взывают о помощи к правительству.

Всё то же самое можно сказать и о России...

Люди не могут быть свободны, если они не воспитаны для свободы. И это не то воспитание, которое приобретается в школах или вычитывается из книг. Это воспитание состоит в саморазвитии и самоуправлении. Мы сделались способны к политической власти вследствие продолжительного пользования гражданскими правами, а французы думают, что они могут прямо начать с власти. Французы, с которыми всегда обходились как с детьми, – в политическом отношении всё ещё дети. Не удивительно, что они не имеют удачи в тех делах, где первое условие успеха – полагаться на свои собственные силы.

Всё то же самое можно сказать и о России...

В Англии рабство или (как оно мягче называется) крепостное состояние быстро уменьшалось и совсем исчезло к концу шестнадцатого столетия. Во Франции оно существовало ещё двести лет и было уничтожено только революцией (1789).

В России крепостное право было формально отменено только в 1861 году, а фактически оно сохранялось до 1991 года (на смену барину пришёл государственный чиновник, а на смену крестьянской общине – колхоз, но суть от этого не изменилась).

В Англии привычка полагаться на самого себя дала возможность выработаться целой системе, основанной на праве личного суждения.

И это в конечном итоге привело к тому, что в последние 300 лет Англия развивается не путём революций, а путём своевременных реформ.

Обычно полагают, что аристократия оберегает государство от революции.

Тогда как на самом деле, противодействуя осуществлению назревших реформ, она приближает революцию!

Великое восстание в Англии было взрывом демократического духа. Оно было борьбой не только политических партий, но и сословий. С самого начала борьбы мелкие землевладельцы и торговцы примкнули к Парламенту, между тем как дворянство и духовенство сплотилось вокруг Короны. Через неделю после казни короля (1649) народная партия отняла законодательную власть у пэров, внося в протокол мнение о том, что Палата лордов "бесполезна, вредна и должна быть уничтожена"... В ту эпоху возвышение зависело только от личного достоинства, и если человек имел способности, то он мог быть уверен, что возвысится.

NB Гордость зависит от чувства самоудовлетворения, а тщеславие питается одобрением других людей. Гордый человек видит в своём собственном уме источник своих достоинств, а тщеславный человек видит его во внешних отличиях. Непомерное уважение к мнениям других, на котором основывается тщеславие, составляет одну из черт национального характера французов. Из всех вопросов, по поводу которых случались разногласия между французскими дворянами, самым важным был вопрос о праве сидеть (а не стоять) в присутствии короля... Такие вот предметы занимали умы и истощали энергию французских дворян в то время как их отечество было терзаемо междоусобной войной и когда были на очереди величайшей важности вопросы, касающиеся свободы нации и перемены всего государственного управления...

Понятие о зависимости, на котором основана покровительственная система, породило убеждение, что подчинённость правительству, существующая в политической и социальной жизни, должна также существовать и в литературе, и что система во всё проникающего и всё централизующего отеческого надзора, которая управляла материальными интересами страны, должна была также заведовать и её умственными интересами.

Король, как это обычно бывает, стремился награждать не самых даровитых, а самых покорных ему людей.

! Предполагать, что за умножением писателей необходимо должно последовать распространение знаний, – это всё равно что думать, будто от увеличения числа мясников в стране увеличится и количество доставляемой народу мясной пищи.

Люди, начинающие с потери своей независимости, кончают тем, что теряют и всякую энергию.

Литература в целом представляет собою нечто прогрессивное, а правительство – представляет "порядок", то есть нечто неподвижное. Пока эти две великие силы разделены, нация может сохранять равновесие. Но если они вступают в коалицию, то

неизбежным результатом будет деспотизм в политическом мире и раболепство в мире литературном.

За упадком умственных сил народа следует его обеднение и политическое унижение страны. А сам упадок – это следствие духа покровительства – вредного духа, который расслабляет всё, к чему он прикасается.

Нет никакого сомнения, что французская революция была реакцией против духа покровительства, достигшего зенита при Людовике XIV.

Людовик XIV умер. ! Когда стало известно, что старый король испустил последнее дыхание, народ почти обезумел от радости. Тирания исчезла, и в стране обнаружилось даровитые юноши, которые имели гораздо более возвышенные взгляды, и понятия которых о свободе не ограничивались вольностями игорных и публичных домов. В течение двух поколений, прошедших со времени смерти Людовик XIV и до начала революции, не было ни одного выдающегося француза, который не посетил бы Англию или не учился бы английскому языку... Великие французские умы брали извне ту пищу, которой не могли найти у себя дома.

Великие умы Франции восемнадцатого столетия, возбуждаемые примером Англии, прониклись такую любовью к прогрессу, что естественно должны были прийти в столкновение с правительственными чиновниками, между которыми преобладал старый дух неподвижности. Эта оппозиция была также реакцией на постыдное раболепство, которым отличалась в то время официально одобренная литература.

Литература во Франции XVIII века была для думающих людей последним убежищем свободы. В 1780 году, всего за девять лет до революции, французское правительство было в таком неведении относительно истинного положения дел в государстве, что оно сделало предложение уничтожить все частные книжные издательства и не позволять печатать никаких книг, за исключением тех, которые будут выходить из прессы, оплачиваемой, определяемой и контролируемой исполнительной властью.

При Людовике XIV великие французские писатели находились в том ужасном состоянии, когда умственное развитие опережает развитие свободы. После смерти короля они восстали против духовного деспотизма. А ниспровержение светского деспотизма досталось на долю их преемников.

Политика правителей Франции была защищена тем жалким народным тщеславием, которое заставляет людей подчиниться рабству, чтобы запугать другие страны величием побед своего государя.

Не то же ли самое происходит в современной (2017) России?

При правильном развитии нации политические нововведения идут рядом с религиозными, так что народ может расширять свою свободу, постепенно освобождаясь от своих предрассудков.

Французская революция оказалась не просто восстанием невежественных рабов против образованных господ, но восстанием людей, в которых отчаяние, порождённое рабством, приобрело новую силу с успехами знания.

Великие писатели, появившиеся теперь во Франции, закипели негодованием, когда они увидели, что те, которые захватили безграничную власть над совестью людей, сами вовсе не имели совести. К несчастью, они сделали большую ошибку. Нападая на церковь, они потеряли всякое уважение к религии.

Если позволить религиозному скептицизму идти своим путём, то он породит много великого и ускорит ход цивилизации. Если же будет сделана попытка подавить его строгостью, то он, без сомнения, затихнет на некоторое время, но зато потом восстанет с такою силой, что будет угрожать самым основам общества.

Во Франции следовало провести реформы. Если бы они были вовремя проведены, то можно было бы достигнуть целей, к которым стремилось государство: сохранение порядка и предупреждение преступлений. Такие попытки были сделаны слишком поздно: время для переговоров прошло, настало время для борьбы. Оставалось только увидеть, смогут ли те, кто вызвал бурю, справиться с ураганом или они будут первыми жертвами того вихря, в котором на время погибло всё: законы, религия, нравственность, всякие следы гуманности и цивилизации.

Смелый дух, с которым люди стали оценивать события своего времени, не мог не оказать влияния и на мнения их о событиях прежних веков. В этой, как и во всякой другой отрасли знания, первым нововведением было признание необходимости подвергнуть сомнению то, чему до тех пор безусловно верили.

Люди всегда начинали с сомнений в предметах религии, а потом уже начинали сомневаться и в истории.

Скептицизм является необходимым предвестником всякого прогресса.

История, чтобы иметь истинную цену, должна быть историей не одних только королей, но и народов.

"Я желаю написать историю не войн, а общества... Я желал бы знать, каким образом люди перешли от варварства к цивилизации", – пишет Вольтер в своём трактате "О нравственности, обычаях и характере наций".

Многие люди восхищаются прошедшим, потому что не знают настоящего.

Монтескьё знал, что в великом движении дел человеческих индивидуальные особенности людей почти ничего не значат. Согласно его взгляду на историю, великие перемены происходят в силу длинного ряда предшествующих событий, и в них одних мы должны искать причину того, что поверхностному взгляду кажется делом отдельных личностей... Великая заслуга Монтескьё заключается в том, что он отделил историю от биографии.

Истинная история человеческого рода есть история стремлений, которые понимаются умом, а не событий, которые осязаются чувствами.

В высшей степени спорное утверждение!

Всякий раз, когда проявляется стремление возвеличить материю за счёт духа, обнаруживается и стремление предполагать, что учреждение, которое стесняет наши мнения, менее опасно, чем то, которое контролирует наши действия...

Люди, отвергающие основные истины религии, не станут заботиться о том, до какой степени эти истины извращаются.

Истинные источники превосходства: превосходство нравственное, превосходство ума и превосходство знания.

Французская революция оставила на поучение человечеству страшный пример тех преступлений, до которых может быть доведён постоянными притеснениями великодушный и долготерпеливый народ.

Подвергать критике понятия, в которых мы были воспитаны, и отказываться от тех из них, которые не выдерживают критики, – это очень грустное дело.

В 711 году магометане высадились на юге Испании и в течение трёх лет завоевали почти всю страну. ! После этого начинается освободительная борьба, которая длилась 800 лет. Война за независимость была и войной за христианскую религию.

Нашествие мусульман сделало христиан бедными; бедность породила невежество; невежество породило привычку к покорности и слепое повиновение церковникам.

Напрашивается аналогия с татаро-монгольским нашествием на восточно-славянские земли и 250-летним игом, которое породило у восточных славян "привычку к покорности и слепое повиновение церковникам".

В 1555 году испанский король Филипп II приказал сжигать на костре всех еретиков, которые не желали отказаться от своей веры. Если же еретик отрекался от своих убеждений, то ему оказывалось некоторое снисхождение: вместо сожжения, его казнили отсечением головы.

NB [Прогресс при авторитарном режиме возможен.] Слабая сторона такого рода прогресса заключается в том, что он слишком много зависит от отдельных личностей, и когда даровитые вожди сменяются бездарными, вся система немедленно рушится до основания. [Но в Англии прогресс не зависит от личности правителя]. ! Мы, англичане, шли своим путём и ! "нас не могло сбить с него безрассудство наших правителей".

После смерти Филиппа II (1598) для Испании настали тяжёлые времена. Непосредственная причина многочисленных неудач заключалась в плохом управлении.

Но настоящей и самой главной причиной было существование духа раболепия и угодничества, который заставлял испанский народ подчиняться тому, что во всякой другой цивилизованной стране было бы с презрением отвергнуто... Ярмо деспотизма сдавило шею несчастного народа, которому приходилось пожирать горькие плоды своего постыдного раболепия... Раболепство – это единственный национальный недостаток испанцев, но его было достаточно, чтобы погубить нацию.

Снова напрашивается аналогия с Россией.

Испанцы делали всё, что могли, для усиления влияния духовенства в тот самый век, когда другие народы ревностно стремились ослабить его. Эта несчастная особенность вытекала из предшествующих событий, но она была ближайшей причиной упадка Испании. В новейшее время благоденствие народов зависит от таких принципов, которым духовенство оказывает постоянное сопротивление.

Снова напрашивается аналогия с Россией.

Около миллиона самых трудолюбивых испанцев были преследуемы только за то, что искренность их религиозных убеждений кому-то показалась сомнительной... Многие из этих людей вынуждены были бежать. Целые деревни опустели. Испания упала духом и потеряла всякую энергию. Даже искусство кораблестроения было совершенно утрачено. (В 1752 году правительство, решившись восстановить флот, вынуждено было нанимать корабельных мастеров в Англии). В стране воцарилась дикая анархия. Одно только средство оставалось для Испании, чтобы спастись от возвращения к первобытному варварству, это подпасть, и подпасть как можно скорее, под иностранное владычество. В 1700 году, когда испанские дела были в наихудшем положении, Испания попала в руки к Филиппу V, внуку французского короля Людовика XIV. Некогда могущественная монархия сделалась, по сути дела, ещё одной французской провинцией. Все важные дела решались в Париже. В 1711 году принято было решение не ставить во главе любой администрации ни одного испанца, потому что все, кого призывали до того времени, оказывались или несчастливцами, или недобросовестными.

России в 1917 году повезло меньше...

Потеряла своё значение и некогда могущественная инквизиция. Вместо того, чтобы по-прежнему истреблять еретиков сотнями и тысячами, с 1746 по 1759 гг. она смогла сжечь на костре только 10 человек, а с 1759 по 1781 гг. – только четверых. После 1781 года в Испании не было ни одного случая сожжения еретика на костре.

Когда народ не предприимчив, то никакое усилие правительства не может переделать его. Восставая против зол, к которым народ был решительно привязан, правительство только усиливало эту привязанность...

Какую пользу могут принести законы, если поток общественного мнения стремится против них? Сперва измените мнение, а только потом изменяйте законы. Против этого правила всегда грешили самые пылкие преобразователи, которые в своём рвении поскорее

достигнуть цели позволяли политическому движению опередить умственное и этим извращением естественного порядка приготавливали бедствия и себе, и своим потомкам.

Во Франции и в Германии думают, что правительство может пересоздать общество. В Англии – политики находятся под контролем общественного мнения; мы не допускаем, чтобы правительство издавало законы, неодобряемые народом.

В Испании люди так привыкли к рабству, что редко осмеливались сопротивляться. Материалы для реакции накапливались в тишине, и не прошло столетия, как стала ясно видна и сама реакция.

Из всех отраслей государственного управления забота о воспитании детей есть самая важная.

Выше Бокль заверял нас, что воспитание детей – это дело родителей и вмешательство государства в этот процесс может только навредить...

В Испании народ часто не повинуетя законам, но никогда не бывает свободен.

Совсем как в России!

Есть в общей природе нашей такие чувства, которые даже раболепная покорность не может искоренить и которые время от времени побуждают нас противиться несправедливости. От этих чувств мы не можем отрешиться, даже если бы и хотели. Они часто бывают единственным средством против крайностей тирании.

Для испанцев характерно благоговение перед стариной, чрезмерная привязанность к старым верованиям и к старым привычкам. Поддерживая мнение, будто все истины, которые совершенно необходимо знать, уже известны, люди подавляют ту великодушную уверенность в будущем, без которой не может быть совершено ничто истинно великое. Народ, смотрящий слишком пристально на прошедшее, никогда не примет деятельного участия в движении вперёд; он даже с трудом поверит, что такое движение возможно.

Однако английское уважение к истории своей страны и английская приверженность к традициям не помешали Англии стать в XIX веке самой могущественной державой в мире...

Испанцы отличаются какой-то неповоротливостью, какой-то безнадёжностью, которая в наш деятельный и предприимчивый век отделяет их от остального цивилизованного мира. В том убеждении, что многое не может быть сделано, они не торопятся делать и то, что возможно.

Снова напрашивается аналогия с Россией.

NB Самое печальное состоит в том, что Испания довольна своим состоянием. Более того, будучи самой отсталой страной в Европе, она считает себя самой передовой. Она гордится всем тем, чего ей следовало бы стыдиться. Она гордится древностью своих мнений, гордится своей мнимой правотой, гордится своим упорным изуверством, гордится своим неизмеримым, детским легковерием, гордится своей нелюбовью ко всяким

улучшениям, гордится своей ненавистью к инакомыслящим и той неослабной бдительностью, с какой она противодействует стараниям передовых людей улучшить её положение... Всё в ней было испытано: вводились из чужих краёв искусства, изобретения и машины; всякие бывали перемены, кроме перемены в общественном мнении...

Всё это, слово в слово, можно написать и про Россию...

Увеличение богатства, которое совершенствует цивилизацию действительно цивилизованных стран, было для римлян непоправимым злом; роскошь только развращала их, вместо того, чтобы очищать их нравы. Перестав быть бедными, они стали порочными...

В невежественное время успехи на войне предпочитаются всякому другому роду славы.

В 1296 году Эдуард вторгся в Шотландию и началась неслыханная по своей жестокости и продолжительности борьба.

После 1400 года английские короли уже не вторгались в Шотландию, но борьба эта продолжалась больше 700 лет. Однако в последнее время на всех референдумах о государственной самостоятельности шотландцы постоянно голосуют за то, чтобы остаться в составе Великобритании...

В истории нет ничего случайного. Всем управляют общие причины, которые часто ускользают от нашего внимания, но, будучи раз признанными, несут отпечаток простоты и единообразия, что составляет неизменную характеристику высших истин, до которых только доходил ум человека.

! В 1572 году Абердин с населением около 2900 душ был одним из самых населённых городов Шотландии.

Какая бы религия ни была господствующей, влияние её служителей всегда неминуемо усиливается во время долгой и опасной войны.

Дурное правительство, дурные (или дурно исполняемые) законы, хотя и бывают временно вредны, однако не могут причинить постоянного зла; другими словами – они могут повредить стране, но не могут её погубить. Пока народ здоров – в нём есть жизнь. Тирания вызывает бунт, деспотизм порождает стремление к свободе. Но если народ нездоров, то положение безнадежно, и нация погибает.

Обобщение приводит нас к известным и могущественным причинам, от которых зависит историческое движение. В короткие периоды действие этих причин неприметно, но в длительные периоды, эти причины ясно выступают на первый план, окрашивают национальный характер и управляют всеми явлениями народной жизни.

На горцах тяготее столько преступлений, что нет нужды обременять их напраслиной. Они были ворами и разбойниками, но так уж сложилась их жизнь, и они не чувствовали позора. Невежественные и свирепые, они восставали, потому что восстание

соответствовало их привычкам и потому что они ненавидели всякое правительство и всякий порядок. Но интересы богатства, знания и свободы мало-помалу одержали верх и отняли у людей, подобных горцам, всякое значение.

Люди, знание которых ограничивается почти исключительно тем, что они видят вокруг себя, и которые, вследствие своего невежества, называются практическими людьми, могут, конечно, толковать как угодно о преобразованиях, вводимых правительством, и об улучшениях, ожидаемых от законодательства. Но всякий, кто взглянет на дело с более широкой и возвышенной точки зрения, немедленно откроет нелепость подобных надежд. Он убедится, что законодатели почти всегда мешают обществу, а не помогают ему, и что в редких случаях, когда меры их оказывались благотворными, они были обязаны успехом тому, что подчинялись духу времени и становились тем, чем им всегда надлежало быть: простыми служителями народа, желаниям которого обязаны они давать публичную и легальную санкцию.

Государственные люди постоянно придумывали покровительственные меры, которые, при самых лучших намерениях, причиняли неисчислимый вред.

Когда по акту соединения (1707) обе страны слились в одну, Шотландия получила дозволение вступать в прямые сношения с Америкой. Обстоятельство это повлияло на шотландскую промышленность почти мгновенно. Например, в 1707 году, без всякого вмешательства правительства, жители Гринока добровольно обложили себя податью для устройства гавани. В этом предприятии они проявили такое рвение, что к 1710 году все работы были закончены: мол и вместительная гавань были сооружены, и Гринок из ничтожного городишка превратился в важный порт в атлантической торговле.

Возвышение торгового и промышленного классов сопровождалось возвышением мыслящего класса.

NB Дело историка – показать, что движение народов определяется почти исключительно их прошлым: если известные события совершились, то и другие, соответствующие им, тоже неминуемо произойдут. Историки должны разрешить великую загадку дел человеческих: открыть сокровенные условия, определяющие развитие и судьбу народов, и найти в событиях минувшего ключ к тайнам будущего.

В народе, как и в отдельном человеке, гармоническое и свободное развитие жизни возможно только при безбоязненной реализации его главнейших устремлений. Эти устремления двойки: одни – имеют целью увеличить счастье духа, другие – счастье тела. Если бы мы могли представить себе человека вполне совершенного, то он соединял бы в себе в высшей степени обе формы наслаждения, совместные и с его собственным счастьем, и со счастьем других людей. Но поскольку такого совершенства в действительности не существует, мы видим постоянно, что даже мудрейшие из нас не могут сохранить надлежащего равновесия между обоими стремлениями и всегда склоняются либо в одну, либо в другую сторону...

Духовные наслаждения во многих отношениях выше физических: они многочисленнее, разнообразнее, долговечнее; они менее способны производить пресыщение в отдельном человеке и приносят больше пользы всему человечеству... Много раз мыслители неразумно восставали против физических наслаждений, забывая, что человек состоит не из одного только духа. Во многих случаях тело могущественнее, чем дух...

Если мы будем рассматривать историю мысли в связи с историей деяний, то мы увидим, что аскетические учения философов, призывающих к умерщвлению плоти, как правило, не имели большого влияния и им не удалось значительно уменьшить счастье человечества. Эти философы не обладали действительным знанием человеческой природы и, как правило, не имели власти, чтобы навязывать свои учения под страхом наказаний. Но если философам не удалось отнять у человечества большую часть его радостей, то теологам это удалось. Во всех странах и во все времена они восставали против таких удовольствий, которые для огромного большинства людей составляют существенное условие счастья.

Теологи исходят из произвольных предположений, в доказательство которых они ничего не могут привести, кроме новых предположений, столь же бездоказательных. Вся их система держится на страхе перед наказанием... Священники всегда были не только самыми ловкими, но и самыми злыми противниками счастья всего человечества. Во дни своего могущества, когда они властвовали над обществом, они подвергали людей всякого рода истязаниям и пыткам. Таково было состояние Европы в Средние века, таково доселе состояние каждой страны, где духовенство пользуется неограниченной властью. Одна только сила общественного мнения удерживает их от возвращения к прежнему изуверству. В наше время, благодаря быстрому развитию знания, священники с каждым днём утрачивают своё влияние.

Ни одному из предшествующих веков не предстояло таких трудов, как нашему. Чтобы совершить эти труды, нам нужны крепкие и сильные натуры, свободно и беспрепятственно развивающиеся в себе все свойственные им способности.

Нам постоянно твердят о пагубности богатства, о греховности любви к деньгам. Между тем, не подлежит сомнению, что **НВ** после любви к знанию, ни одна страсть не принесла столько благ человечеству, как любовь к деньгам. Любви к деньгам обязаны мы всякой промышленностью и торговлей; другими словами – всеми предметами удобства и роскоши. Торговля и промыслы познакомили нас с произведениями многих чужих стран, пробудили в нас любопытство, расширили круг наших понятий, приучили людей к предприимчивости и расчёту, открыли нам множество чрезвычайно полезных искусств, которыми мы теперь обладаем для спасения жизни человека или для облегчения его страданий. Всем этим мы обязаны любви к деньгам. Любовь к деньгам точно так же, как и все другие наши склонности, может быть обращена во зло, но восставать против неё, как будто она уже сама по себе есть зло, значит обнаруживать невежество, в наше время постыдное.

Одно только средство существует для ограждения людей от тирании какого бы то ни было сословия: оно заключается в том, чтобы оставлять этому сословию как можно меньше

власти. Как бы ни были благовидны их притязания, власть предержавшие непременно употребят свою власть во зло, если она будет дана им в обширных размерах.

! Мы питаем более доверия к человечеству, чем к руководителям человечества.

Сколько сохраняется хорошего даже в самых худших из людей! А среди людей средних, обыкновенных, составляющих большинство человечества, желание делать ближнему добро встречается чаще, чем желание вредить ему, и число добрых дел в общем итоге превышает число дурных.

Наши нравственные понятия мы черпаем извне, а не изнутри. К правилам, сообразно которым мы действуем, мы приходим путём наблюдения за поступками других людей. Естественно, мы сочувствуем радости более, чем горю. Отсюда чувство уважения к людям счастливым и преуспевающим. Это чувство совершенно не зависит от какой-либо выгоды, которую мы могли бы ожидать от них для себя.

Всякое удовольствие содержит в себе своекорыстный элемент. А сочувствие может доставлять удовольствие...

Сделаться великим человеком благодаря своему исключительному уму можно при всяких обстоятельствах. А чтобы сделаться могущественным человеком, требуется особенное стечение событий.

Если взять общество как одно целое, то почти всегда оказывается, что люди, заботясь о своей собственной выгоде, неумышленно способствуют и выгоде других.

NB Постоянное стремление каждого отдельного человека улучшить своё положение может поддерживать успехи общества, несмотря на безрассудство и нерасчётливость правителей, которые не видят, что мы благоденствуем не вследствие их законодательных распоряжений, а вопреки этим распоряжениям.

Философ должен стремиться к одной только истине, без всякого внимания к практическим последствиям своих умозрений... Всякая новая истина поначалу оказывает вредное влияние, потому что она расшатывает привычные общественные установления и порядки. И если это великая и очень новая истина, то и первоначальный вред от неё бывает очень значителен. Только по прошествии некоторого времени начинают преобладать её благие последствия.

Если старые верования разрушаются быстрее, чем создаются новые, то это служит предвестником общественного переворота. Такие симптомы предшествовали всем великим переменам, через которые проходил мир... Задача практических людей – позаботиться о том, чтобы открываемые философами истины не были применяемы с безрассудной поспешностью, иначе они могут расшатать весь общественный строй вместо того, чтобы укрепить его... Практические деятели не должны допускать, чтобы умозрительные выводы философов (как бы ни были они истинны) применялись к действительной жизни до тех пор, пока общество не созреет для принятия их.

Если умозаключение ложно, то оно умрёт само собой. Если же оно истинно, то в конечном итоге оно принесёт пользу.

В разные века одно и то же учение даёт совершенно разные плоды.

Во все времена люди так мало сознавали свою слабость, что не только брались за невозможные дела, но бывали даже уверены, что совершили их.

Сочетание невежества с высокомерием порождает тиранию.

Люди, обладающие здравым смыслом, полагаются в большей степени на опыт, чем на какое-нибудь общее правило.

В Англии любовь к свободе, которая с давних пор составляла нашу отличительную черту, приносит нам более чести, чем все наши завоевания.

Естественные науки разрабатываются с давнего времени, а история как наука ещё только зарождается. Наши сведения об условиях, определяющих развитие человечества, так ещё неточны и плохо разработаны, что не могут иметь влияния на понятия общества.

Философы, правда, знают, что в этой области, как и во всякой другой, должна существовать непрменная связь между самыми отдалёнными и самыми разнородными явлениями. Но обычная читающая публика рассуждает совсем иначе. Она верит, что если какое-то явление не объяснено, то это значит, что оно необъяснимо, а что не может быть объяснено, то кажется сверхъестественным.
